Михаил Лобачев

Ноктюрн по доктору Фрейду

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Отчего благополучные люди просыпаются ночью и не могут уснуть?..

Эта книга о том, что происходило в Украине со времен Октябрьской революции и по настоящее время. Пока были живы люди, которые делились своими воспоминаниями, казалось, что впереди еще вечность, и можно всегда прийти и послушать их рассказы – как это было на самом деле – про Красную армию, революцию, Вторую мировую войну, перестройку и исчезновение с карты мира СССР – огромной страны, которая во многом определяла мировую геополитику.

Когда один за другим из жизни стали уходить люди, бывшие очевидцами тех или иных событий, я понял, что времени у меня не много, и я не имею права забыть и не рассказать об этом другим. Эта книга об истории страны, которой уже нет. Такой, какой ее запомнили современники тех событий. Она написана просто, с юмором и без надрыва, на основании их рассказов, а также на основании собственного опыта автора. Просто только на первый взгляд. Но если заглянуть в подсознание…

- Михаил Лобачев
- Рассказы моей бабушки
- Двадцатка
- Кохта завоює
- Слово чести
- Дороги, которые мы выбираем
- Про косу
- Бідна держава
- Путешествие в деревню
- Счастье
- Терпи козак – атаманом будешь
- Матка, благослови
- Немецкий порядок
- Карма
- Вот она, эта курица!
- Sic transit gloria mundi…
- Скромное обаяние сослагательных наклонений
- Трудоустройство Краса
- Цена вопроса
- Возмещение ущерба
- Тридцать лет реформ
- Скромное обаяние сослагательных наклонений

- Сказки для взрослых
- Девушка из маленькой таверны
- Ноктюрн по доктору Фрейду
- Как встречали Фильдеровича
- Дом
- Сказка о злом компьютерном волшебнике или Новая сказка о потерянном времени
- Шарик
- Куда уходит детство
- Лера
- Мысли вслух
- Категория веры
- Мысли о старых фотографиях
- Талант и серость
- Энергия мысли
- Законы большой спирали
-
-
-

Михаил Лобачев
Ноктюрн по доктору Фрейду

Эта книга посвящается моей бабушке, которая всегда говорила, что в жизни не бывает ничего плохого, а только хорошее и не очень

Рассказы моей бабушки

© *Вячеслав Загорнов*

В обществе, где еще живы очевидцы тех или иных событий, трудно менять историю. Сложно даже там, где еще есть те, кто слышал рассказы живых очевидцев. Эта живая память в некоторых культурах проходит через века, сохраняя зерна истины. Я же просто боюсь забыть то, что рассказывала мне моя бабушка, боюсь, что мои внуки уже не будут знать того, что знаю я. Они будут думать, что Великую Отечественную войну выиграл Шварценеггер. Не будут помнить, что такое колхозы, голод, большевики, коллективизация, фарцовщики, Советский Союз и Генеральный секретарь. А я помню, что такое рэкет, откат, приватизация, дезинтеграция и самостийность. Я боюсь это забыть и поэтому просто пишу то, что помню.

Я садился за стол, набивал чем-нибудь рот и просил: «Ба, –

говори» (так всегда было вкуснее). Бабушка поднимала глаза к небу, задумывалась на минуту и начинала без всяких предисловий:

Двадцатка

– Твой дед был редактором районной газеты. Он входил в двадцатку. В двадцатку входил весь районный хозпартактив. Тогда был голод, ничего не было, люди ели лободу, собирали колоски, если могли, – спасались, кто как мог.

Каждый член двадцатки раз в неделю получал котелок котлет, штук 25–30. Когда дед нес все это домой, он прятал его под полу кожуха и боялся, чтоб никто не увидел, и кричал дома, что больше не возьмет этот котелок, но, конечно, шел и брал.

Обычно его не обременяли всякими общественными поручениями, но когда нужно было в очередной раз выбивать хлеб у крестьян, а брать уже было абсолютно нечего, пришлось задействовать в этом деле всех сознательных товарищей, и деда отправили в соседнюю деревню на хлебозаготовку.

Отряд входил в дом, переворачивал все вверх дном, специальными щупами перетыкивали пол в доме, в погребе, двор, не закопал ли несознательный товарищ зерно где-нибудь. Хлеб, конечно, не находили, но продолжали рыть. Надо же как-то было отрабатывать свой котелок котлет.

Вот и в тот раз дед посмотрел на все это и отрапортовал, что в Ивановке хлеба нет.

Бабушка помнит только понуро стоящего деда и красного от натуги, орущего уполномоченного по заготовкам:

– Как это нет? Ты думаешь, в другом месте есть? А ты знаешь, что у меня в Одессе корабли стоят под погрузкой, мы золотом платим за срыв поставок? А у него хлеба нет!

В общем, деда из райкома убрали, оставшееся время прожили, как все, собирая колоски. А чуть позже его арестовали.

Забавно, что я пишу эти вещи на Ванкуверской набережной, в кафе с видом на Инглиш бэй. В окружении сытых и довольных людей, живущих, в общем – то, почти в коммунистическом обществе. Но… какая огромная разница между нашими коммунизмами.

Кохта завоює

Произошла революция. Где-то там, в городах, проистекали судьбоносные события, менялись власти, менялись деньги, двигались массы людей. В отдаленном бабушкином селе было все относительно тихо. Чуть позже это движение коснулось всех. Сменялись отряды, которые входили в село. Более или менее регулярные армии, лучше или хуже одетые, с идеологией или без.

В один из таких дней, рассказывает бабушка, «чогось стало дуже тихо, потім – фур-рр – щось понеслось по селі. Багато людей на конях, якісь дивні солдата – хто у чому. Дід Юхим стояв біля хати (а розумний був дід, хазяйство справне).

Підлітає до нього один на коні – де дорога на Київ? А на ньому червона жіноча кофта, на голові хтозна-що (буденовка – М.Л.), очі скажені, дід махнув рукою, аби от гріха подалі, думав, зарубає. Скажений підняв коня на дибки та й погнався.

Дід довго ще дивився у той бік. Підійшли люди, дід довго стояв і дивився, а потім каже до людей: «Ось запам'ятайте, що я скажу – кохта завоює!»

Это было первое знакомство с Красной армией. Все, кто пережил революцию, запомнили слова деда Юхима. Кофта таки завоевала. Но отряды одержимых фанатиков и отпущенных из тюрем бандитов были только первым эшелоном инферно, которое выпустили на свободу большевики. Дальше персонажи менялись, а суть оставалась прежней – непонятная опасность принимала самые неожиданные формы, но была живучей, агрессивной и неистребимой вопреки всем законам логики. Дед заметил это во всаднике, но он не знал таких слов, как инферно. Его односельчане тоже это поняли, кто позже, кто раньше, хотя таких слов не знали тоже, когда руками таких же людей тысячи других были расстреляны, заморены голодом, замучены в лагерях, на месте храмовых алтарей построены городские туалеты, а все эти грехи легли безответной тяжестью на душу целого народа.

Слово чести

Сначала об этом не принято было говорить. У прапрадеда был хутор, а также семь пар волов, которые он посылал в Крым за солью. Собственно, это было то же самое, что иметь сегодня семь траков-контейнеровозов, только вместо дальнобойщиков – чумаки.

Прапрадед имел значительное по тем временам состояние. В свою очередь, прадед был человеком небогатым, но работящим. Он женился на прабабушке – девушке из богатой семьи, и стремился соответствовать состоятельным родственникам.

Перед самой революцией помещик продал землю своим же крестьянам в рассрочку. Эту рассрочку они практически всю выплатили накануне переворота. Когда в деревню вошли красные войска – из тех, которые уже никуда не торопились, красные товарищи провели у прапрадеда в хате несколько дней, ели и пили. Потом прабабушке сказали – хочешь, чтобы мы его отпустили живым, собери денег. Прабабушка побежала по селу, собрала, что смогла.

Деньги взяли, самому старшему члену семьи предложили проводить гостей. Вывели на улицу и расстреляли у забора. Прабабушка еще долго пыталась отдать долги.

Дороги, которые мы выбираем

Бабушка рассказывала, что незадолго до революции прадед пришел домой и сообщил прабабушке, что он «записався в Америку». «Збирайся, поїдемо»… Та запричитала: «Ой шо ж я буду там робити, в мене ж нема ні сковороди, ні ночовок», и так далее и тому подобное – в общем, не поехали.

Вскоре грянула революция, и землю, которую они незадолго перед тем купили, забрали в колхоз. Это было благо, потому что тех индивидуалистов, которые не хотел идти в колхоз «совершенно добровольно», обкладывали непомерными налогами. Советская власть проявляла большую фантазию, изобретая различные поборы. Со слов бабушки, мне запомнились такие виды налогов как «Уравнительный», «Дополнительный» и «План до двору». Выполнить все эти планы было невозможно. Неважно, на каком этапе ты сходил с дистанции, конец один – Соловки.

До самих Соловков добирались не многие – умирали по дороге. Те же, кто добрался, погибали там.

Спустя много лет я познакомился с другими налоговыми системами. И когда после заполнения налоговой декларации мне вернули очень изрядную сумму переплаченных налогов, я еще раз подумал, что можно было поехать и без «ночевок».

Про косу

Бабушка не любила говорить про голод 1933 года. Говорила только – «було дуже страшно, люди людей їли, але вони вже не понімали, що роблять, бо з ума посходили від голоду». И еще рассказывала, что была у них в селе очень красивая девушка, на которую все заглядывались. Веселая была, танцовщица и затейница. Такой косы, как у нее, не было ни у кого – толстая, до щиколоток… В этом месте бабушка делала паузу, видимо, вспоминала косу. У нас в роду никто не мог похвастаться пышными волосами.

– Вже ближче до весни голод був дуже сильний, люди кожен день вмирали. Утром по вулиці йшла підвода й збирала тих, хто помер. Вже у кінці вулиці підвода була повна.

Спочатку люди ше йшли, дивилися, хто помер, а потім вже не було сил. Я сиділа коло вікна, дивлюся – йде підвода. А з підводи така коса звісилась і по пилі волочиться. Лиця не було видно, та й не потрібно. Я і так знала, чия ця коса. Вже й голод скінчився, а вона довго ще мені снилася..

Бідна держава

У бабушки было две сестры – тетя Люба и бабушка Настя. Настя была старшая сестра, поэтому ее никто молодой не помнил и называли бабушкой. Настя никогда не вставала позже шести утра. Руки у нее были натруженные, хозяйство большое и требовательное, и в доме всегда была чистая, но спартанская обстановка. Люба – светская женщина, работала счетоводом в конторе, писала стихи на украинском языке и бывала в Киеве. В доме, или точнее в хате, у нее были кружевные салфетки на столе, комоде и везде, где это было уместно.

Детьми всю их семью сослали на Соловки. Чудом им удалось вернуться. Говорить об этом не любили. То ли удалось как-то сбежать с этапа, то ли потом вышло какое-то послабление. В общем, за такие подробности в иное время могли и расстрелять.

Когда наступила перестройка, гласность и демократия, некоторым пострадавшим от сталинского режима, незаконно репрессированным, стала полагаться компенсация.

Денег это правительству больших не стоило, так как усилиями его предшественников этих самых пострадавших в живых почти не осталось. А как жест нового мышления вполне могло принести политические дивиденды.

Обе бабушки попадали «под статью», на этот раз в хорошем смысле этого слова. И им полагалась какая-то компенсация.

Надо было видеть их реакцию.

Настя, когда ей сообщили, очень внимательно посмотрела «товарищу» в глаза, повернулась и, ни слова не говоря, занялась своим делом. Это не был демарш, просто у нее было много работы.

А Люба развела руками – да как же это можно, требовать компенсацию! «Звідки ж в держави гроші, вона ж така бідна!».

Недавно узнал, что некоторые народные депутаты назначили себе пенсию в две с половиной тысячи американских долларов, которые, вероятно, для них должны заработать бабушка Люба и бабушка Настя… Наверно, такая держава всегда буде бідна…

Путешествие в деревню

Когда наступали немецкие войска, было очевидно, что немцы рано или поздно займут Одессу, и на семейном совете решили отправить бабушку с тремя детьми к родственникам, под Киев. Девочкам было семь лет, три года и три месяца. Но как известно, немцы дошли до Киева и дальше. И не какие-то сборные румынские части, а дивизии СС. Они требовали «Сало, масло и яйка», иногда даже платили, но продуктов от этого больше не становилось. И когда стало понятно, что родственникам бабушку с тремя детьми не прокормить, она решила ехать домой, в Одессу.

Во дворе комендатуры толпились люди, их было больше сотни. Какая-то женщина посмотрела на бабушку и заметила:

– Когда дойдет ваша очередь, ваша белая пеленочка будет цвета этой плащ-палатки – и указала, рукой на коричнево-зеленую плащ-палатку, лежащую на земле. А бабушка держала младшую девочку на руках.

Тут произошло какое-то движение, и несколько человек, воспользовавшись беспорядком, попробовали проскользнуть в домик комендатуры без очереди. Возникла потасовка. На крыльцо выбежал немец с автоматом и открыл пальбу. Все попадали на землю, только бабушка осталась стоять, прижимая к себе ребенка. «Заходите», – любезно предложила ей женщина в форме, открыв дверь. «Заходите, заходите», – повторила она, окидывая взглядом вжавшихся в землю посетителей. И бабушка вошла.

На краю стола в кабинете коменданта сидел молодой красивый немец и болтал ногой. За его спиной висел портрет Гитлера, с таким пронзительным взглядом, что бабушке стало не по себе.

– Не смущайтесь, – заметил, довольно улыбаясь, комендант на хорошем русском языке, проследив за ней. – Всем известна гипнотическая сила взгляда фюрера. – При этом он не переставал болтать ногой в хромовом блестящем сапоге.

– Так чего же вы хотите?

– Я хотела бы попасть домой.

– Зачем? Вы знаете, что сейчас война, эшелоны загружены войсками.

– Но там моя семья, моя мама.

Комендант стал серьезен.

– И где ваш дом?

– В Одессе…

– Ах, Одесса, – он рассмеялся. – Schwarzes Meer, skumbria [1] …

Он посмотрел на детей, жмущихся к стенке, и выписал бабушке четыре полных плацкарты, с какими-то полосами, которые означали priority.

Собирали бабушку в дорогу всем селом. Как-то грустно собирали… Приходили прощаться. Последним пришел священник и принес горшочек меда. Возьми – сказал – пригодится.

В общем, большую часть пути бабушка проехала без приключений. А когда началась румынская территория, формально на въезд требовалось разрешение румынских властей. Бабушку высадили на безлюдном полустанке.

«Стою, – рассказывала бабушка, – ночь, кругом ни души, собаки лают, плачу. Вдруг откуда ни возьмись товарняк, из паровоза выглядывает машинист, пожилой мужчина, махнул мне рукой и крикнул: „Быстро прыгай ко мне!“»

Бабушка с детьми успела вскочить в кабину, и паровоз набрал ход. На границе машинист, передавая бумаги через окно, сказал, что все в порядке и посторонних нет. Он очень рисковал.

Поезд довез их почти до самого дома, бабушка растерялась: как отблагодарить этого человека? У нее ничего не было. Она достала горшочек меда, который передал священник.

Машинист улыбнулся и принял его.

Так бабушка вернулась домой.

Почему я об этом пишу?

Как говорила Раневская: «Есть люди, в которых живёт Бог. Есть люди, в которых живёт дьявол. А есть люди, в которых живут только глисты…». Бабушке на пути попадались Люди, амне все чаще что-то другое…

Счастье

Бабушка рассказывала, что во время войны, когда советские войска уже наступали, какое-то время линия фронта проходила буквально в конце нашего огорода. И пока военные рыли окопы и строили блиндажи, она с детьми выкопала яму в обрыве, как она говорила, где все и прятались. И когда все кончилось, вошли новые войска. В пещерку заглянул солдат и, услышав какое-то шевеление, хотел бросить гранату. Но потом увидел чумазое детское лицо и передумал. Так он всем и запомнился – солдат с гранатой. Бабушка говорила, что Бог их хранил и это – счастье.

А потом у нас квартировали телефонистки – молодые девушки, мобилизованные, кто откуда, согласно законам военного времени. Девчонки были не приспособлены к военно-полевой жизни, где зачастую не то что горячей воды или удобств, а и спать толком негде было.

– Вы знаете, – говорила бабушке одна из девушек, сжимая в руках кружку с кипятком, – до войны мне мама наливала большую чашку какао с молоком и строго следила, чтобы я ее выпила. А я выливала ее, когда мама отворачивалась, и радовалась, как у меня это ловко получилось. Вот бы сейчас эту чашку…

Терпи козак – атаманом будешь

В старом доме в одной из комнат все еще оставались деревянные ставни. Весь дом был перестроен, везде стояли новые окна и новые двери, а в этой оставалось старое окно со ставнями. В ветреные дни зимой из окна довольно сильно дуло, но его не трогали. Ставни мало того, что смотрелись одиозно на фоне испанского кафеля, но были еще и с дырками, которые нельзя было не заметить, т. к. располагались они прямо посередине.

Но в конце концов, именно из-за одиозности все это могло сойти за стиль «гранж».

Я как-то поинтересовался у бабушки, откуда такая любовь к этому барахлу. Бабушка задумалась и сказала: конечно, давно надо было поменять.

– А откуда дырки?

– Так это от пуль.

– От каких еще пуль?

В ответ бабушка махнула рукой и рассказала такую историю:

Во время войны каждый зарабатывал, как мог. В поселке было много виноградников, и сосед, который незадолго перед войной вернулся в Украину из Америки, используя приобретенные предпринимательские навыки, стал делать вино и продавать его. Дела его шли неплохо, пока немцы не решили, что лучше вино просто брать, чем покупать.

Тогда он стал прятаться от навязчивых клиентов. Однако те не хотели мириться с потерей точки и пошли вразнос. Сначала они побили окна у соседа, а потом и в бабушкином доме. Когда бабушка начала возмущаться, самый заядлый, продолжая бить стекла, повторял:

– Терпи козаче – атаманом будешь!

Но когда понял, что так ее не успокоить, потянулся за автоматом. Бабушка говорила:

– Я не знаю, как так быстро получилось, – пока он снимал автомат и передергивал затвор, я пробежала две комнаты, и выскочила в окно. Еще и ставню успела захлопнуть. Немец выпустил очередь, с тех пор и дырки.

Бабушка рассказывала и улыбалась. Она всегда улыбалась, когда что-то рассказывала.

Поскольку эта местность формально находилась под румынской юрисдикцией, утром бабушка пошла к румынскому коменданту и рассказала о происшествии. Румыны болезненно относились к доминированию союзников и не упускали случая показать, кто в доме хозяин. Через два часа мучимый похмельем

оккупант стеклил окна в бабушкином доме, злобно сопя. Наблюдая эту картину, бабушка протянула ему стакан воды и сказала: «Терпи козак – атаманом будешь!»

Немец рассмеялся и инцидент был исчерпан. А отверстия от пуль остались. Еще на пятьдесят лет…

Матка, благослови

– Когда советские войска уже наступали, – рассказывала бабушка, – к нам прислали группу молодых немецких солдат. Была ранняя весна, слякоть, холод. Каждый день крикливый ефрейтор выводил их на улицу и там, в грязи, они отрабатывали передвижение по-пластунски и прочие премудрости по полной программе.

Вечером бабушку просили нагреть воды, и до полуночи они стирали и сушили одежду, а утром все повторялось опять. Солдаты с недоумением спрашивали ее, почему-то по-польски:

– Matka, dookunta tai bende take bagno? [2]

Как-то ефрейтору это надоело, он подошел к бабушке с ночевками, бросил туда одежду и со словами «матка, ком» ушел по своим делам. Бабушка, ни слова не говоря (а что тут скажешь), взялась стирать. А надо сказать, у нее тогда было своих трое маленьких детей. Когда солдаты увидели это, они обступили предприимчивого товарища и после короткой, но выразительной сцены он забрал свое барахло и больше не отрывался от коллектива. Тем не менее мордой в грязь по его команде они падали беспрекословно.

Когда пришел приказ выступать, они собрались за час. Потом двое, самые молодые, забежали к бабушке в комнату, стали возле иконы и попросили:

– Матка, благослови.

Бабушка благословляла их и плакала. Немцы бросали в бой последние свои резервы и вернуться живыми у этих ребят шансов практически не было.

Бабушка говорила – «бідні діти». Сколько таких детей легло с обеих сторон…

Немецкий порядок

Так сложилось, что деревню буквально пополам пересекала железная дорога. Где-то там, далеко, был переход, но, конечно, им никто не пользовался. Все ходили через пути, хотя это строго запрещалось и там все время дежурил красноармеец. Даже совсем не либеральные сталинские законы не помогли навести в этом деле порядок, и все махнули на это рукой.

Когда в деревню вошли немцы, никто толком не почувствовал, что что-то изменилось. Фронт был далеко, и одни войска просто оставили населенный пункт, а другие, как это бывает, заняли его. Вместо красноармейца по путям стал прохаживаться немецкий солдат.

Под комендатуру отвели добротный дом на краю села. Поскольку он был на отшибе, там никто не ходил, и комендатура никому не мешала.

Под вечер на крыльцо вышел немец и прикрепил к двери комендатуры какой-то листок на немецком языке.

Утром первый, кто попытался перейти железнодорожные пути, был застрелен. В этот же день все знали, что на двери комендатуры висит приказ, что за хождение по путям – расстрел. До конца войны никому не приходило в голову его нарушить.

Наверное, в этом и состоит пресловутый немецкий порядок.

Карма

В доме напротив жила семья, как-то так получалось, что все мужчины в этой семье не доживали до преклонного возраста. Как принято говорить, жизнь у них была яркая, но короткая. Непонятно почему так, вроде не были самыми глупыми или самыми большими злодеями, но какой-то рок довлел над этим семейством.

Дед умер от белой горячки. Его сын провел немало времени в местах лишения свободы, сильно пил и умер достаточно молодым. Внук, неглупый и, в принципе, неплохой парень, тоже несколько раз сидел, болел туберкулезом, но умер позже от СПИДа, потому что наркотики в этой семье не переводились.

И только четвертое поколение удивительным образом изменило свою жизнь. В семье перестали рождаться мальчики и первая девочка, которая появилась, разорвала порочный круг. В таком ужасном окружении она хорошо закончила школу, рано пошла работать, закончила морское училище, была красивой, вежливой и тактичной. Ничего предосудительного о ней никто не мог сказать, не говоря уже об алкоголе или наркотиках. Никакая грязь к ней не приставала.

А все началось с того, что, как говорят очевидцы, приснопамятному деду поручили доставить двух пленных немцев на какой-то сборный пункт. Говорят, вечером он бродил пьяный по поселку и хвастался:

– Чого я буду їх водити? Я їх вивів за село та й постріляв, а потім покидав у канаву.

Женщины только качали головами. А потом с мужчинами в этой семье стали происходить всякие несчастья. До четвертого колена…

Вот она, эта курица!

Бабушка рассказывала много разных историй, связанных с Привозом. Рынок Привоз всегда был шумным и многолюдным, куча народа с утра до вечера делала там свой гешефт. Так было всегда – и в дождь, и в холод, и зимой, и летом, и в мирное время, и в войну. Привоз жил своей жизнью – жизнь эта не останавливалась никогда. Некоторые процессы там работали четче, чем на сталинской железной дороге, и даже когда город заняли румынские войска, он только слегка притормозил, присмотрелся к новым порядкам и завертелся с новой силой. Товарищи румыны понимали только две вещи – украсть и продать, поэтому от их появления Привоз только выиграл.

Торговали кто чем. Сосед, например, покупал на Привозе три мешка орехов, потом шел на Новый базар и продавал их «на баночку». К вечеру он возвращался домой, удвоив свой капитал. И это самый безобидный пример. Но вот правлению оккупантов пришел конец. В город вернулась Советская власть.

Бабушка рассказывает, что на следующее утро Привоз был совершенно пуст. Было так пусто, что видно было, как из одного конца в другой через площадь медленно переходит жирный привозный кот. Почему-то этот кот, медленно пересекающий Привоз, у меня впоследствии ассоциировался с абсолютной пустотой, типа безвоздушного пространства.

Но чуть позже уже все наладилось и следующее яркое воспоминание, связанное с этим местом, уже мое собственное:

Как-то утром к нам забежала наша соседка, Циля Давидовна, глаза ее горели, и лицо было пунцовым от возмущения.

– Вы знаете, Ксеня Лазаревна, – с порога начала она, – это Бог знает что такое. Вы не представляете, что сегодня творилось на Привозе. Ни одной, представляете – ни одной курицы! И все рыщут, рыщут.

Вдруг я смотрю, идет мужик, несет мешок курей. Я к нему, ну и все остальные тоже. Он их вытряхнул. Ну, не скажу, шоб ах, куры как куры. Но одна была такая чудесная курица, это что-то! И тут одна нахалка берет мою курицу… Вы не представляете, что тут началось! Я такого не видела. Люди потеряли человеческое лицо! Они дрались, плевались, царапались… Ужас!

– Вот она, эта курица!

Sic transit gloria mundi…

Место, где мы с бабушкой жили, называлось Лузановка. Оно и сейчас так называется. Мало кто знает, что это название, как и поселок Киселово, и Живахова гора, произошло от имен конкретных людей, которые имели непосредственное отношение к основанию города.

Много лет назад помещики Живахов, Киселев, а также генерал-майор Лузанов приобрели довольно много недвижимости в окрестностях Одессы.

Лузанов построил себе дом на горе с видом на залив, где внизу располагался известный впоследствии всей Одессе своей чистотой и просторностью лузановский пляж. С горы в хорошую погоду был виден порт и склоны Ланжерона. Дом Лузанова сохранился до сих пор. По сравнению со всеми последующими постройками и частными домами новых русских и новых украинцев, он смотрится более чем скромно. Когда произошел октябрьский переворот, господа, естественно, покинули родину. В том числе и Лузанов – уже не сам генерал-майор, а его потомки.

Все свое имущество его сын Михаил Фомич, последний глава одесского коммерческого суда, передал ключнице. Она по приходу советской власти продолжала заведовать хозяйством, теперь уже туберкулезного санатория, основанного на месте бывшей усадьбы. Как пострадавшую от империалистического гнета ее никто не трогал, а местное население по привычке побаивалось.

Председателем сельсовета назначили молодую девчонку, ее воспитанницу, – своих детей у ключницы не было. Славилась девушка тем, что могла пить наравне с мужиками, и при случае обписять с крыши сарая весь районный хозпартактив. За эту пролетарскую непосредственность ее и выбрали. Кстати, этот случай заслуживает отступления.

Дело было после очередного заседания актива, в котором принимала участие и пострадавшая от Лузанова молодая комсомолка – он нашел подкидыша и воспитывал на свои деньги. После того, как позаседали, решили выпить. А после того, как выпили, стали состязаться, кто дальше «добьет», так сказать. Девушку, естественно не приглашали. Она обиделась на такую дискриминацию по половому признаку и заявила, что она, между прочим, сделает это лучше всех, и даже добьет с крыши сарая до группы товарищей. Ну, забились, и комсомолка их таки достала. Отряхнувшись, партийцы решили, что это готовый председатель сельсовета. Так и случилось.

Впрочем, за исключением мелочей, человек она была неплохой, невредный и незлопамятный, и людям при ней жилось хорошо.

Естественно, с приходом советской власти хозяйство Лузанова частично забрали в колхоз, частично растащили. Но все, что удалось сохранить, ключница ревностно берегла. К тому времени у Лузановых существовал семейный склеп, тоже на берегу моря, вокруг которого со временем стало образовываться кладбище. Но могилы семейства Лузановых с другими было не перепутать. Они были огорожены небольшим каменным забором и обложены белым мрамором. Сверху на каждой могиле лежала толстая мраморная плита. На одной из них золотом было написано: «Здесь покоится прах генерал-майора Лузанова».

Ключница же получила много преференций от советской власти, как угнетаемый в прошлом элемент. А после войны, когда пришла пора определяться с загробной жизнью, завещала похоронить себя вместе с Лузановым.

Позже эти могилы раскапывали, в надежде поживиться. А потом украли и плиты – очевидно, применили где-то на столешницы у новых генерал-майоров. Уж больно плита была толстая…

Во время войны приезжал потомок Лузанова, и очень удивлялся, что это место все еще называется Лузановка. Так его называют и до сих пор, и могилы тоже стоят, но без плит. И наверно, даже старожилы не вспомнят, кто здесь похоронен. Sic transit gloria mundi…

Бабушка много еще чего рассказывала, но я уже не вспомню. В памяти все обветшало. А потом она умерла. Или как сказали бы японцы – ушла дорогой цветов… Бабушке это больше подходит. Она часто повторяла:

«Gott wollen ihre liebe zu freuen auf ihre wege rosen streuen» [3]

Скромное обаяние сослагательных наклонений

© *Игорь Шистеров*

Трудоустройство Краса

К моменту, когда я окончил институт с красным дипломом по дефицитной специальности «вычислительные машины, системы и сети», в стране окончательно все развалилось. Поскольку преподавание на кафедре приносило целых 10 долларов североамериканских штатов в месяц, довольно остро встал вопрос о том, где же заработать денег. Модным бизнесом тогда были поездки в Польшу и Румынию с целью распродажи всякого барахла, которое еще залежалось в хозяйственных магазинах или дома. Ассортимент был самый невероятный: радиоприемники, плащ-палатки, детские велосипеды, газовые баллоны, тетрадки, сладкие плитки, сахар…

Все это грузили в автобусы, перевозили через границу и реализовывали на местных базарах. Заработать можно было долларов 30–50, а то и 100 за одну поездку – зависело от товара.

Занимались этим преимущественно наши героические женщины. Молодые и симпатичные могли встретить там свою судьбу, ведь жили и спали все вместе в этих же автобусах.

И до того, и тогда, и позже у меня была одна слабость – я любил спать с комфортом. Мне не важно, что есть и как добираться, но вот по части ночлега… А это делало все предприятие абсолютно неприбыльным. Несколько лет спустя, впервые попав в Париж, я потратил почти все скудные средства, выделенные доброй тетушкой из оргкомитета конференции, на гостиницу с окном до пола в ванной, которое я открывал по вечерам и любовался огнями бульвара Лафайет. Но это совсем другая история.

А тогда я взял своего друга, старогерманскую овчарку Краса, и мы пошли искать работу. Когда-то на Пересыпи располагалось более двух десятков предприятий. Заканчивался забор одного, и начиналось ограждение другого. Там всегда требовались люди. Вообще же до перестройки в городе было около 200 работающих заводов, порт со своей огромной инфраструктурой и Черноморское морское пароходство, насчитывавшее более 200 судов. Не говоря уже обо всем остальном.

Мы переходили от забора к забору, и везде нас встречали мерзость и запустение. Некогда мощные и многолюдные гиганты советской индустрии стояли заброшенные и глядели на нас разбитыми окнами цехов. И лишь кое-где копошились какие-то кооперативчики, обеспечивая рабочими местами своих основателей. Так мы дошли до мясокомбината. Жирная рожа привратника наглядно свидетельствовала, что здесь не голодают.

Нас подозрительно осмотрели, но когда разобрались, послали за старшим.

– Значит так, – вещал старший привратник. – Мы дадим зарплату – небольшую, но на жизнь хватит, конечно же, паек – куриные крылышки, ну, и там еще чего-нибудь. Работа посменная.

Все это он произносил, влюблено глядя Красу в глаза.

– А когда выходить? – спросил я.

Привратник недоуменно посмотрел на меня.

– А вы-то при чем? Мы берем на работу его, – и он сделал широкое вращательное движение рукой в сторону овчарки. Welcome, так сказать.

Я понял, что крылышек мне не видать, и Красу, по всей видимости, тоже. Это был первый урок: не только красные дипломы и какие-либо уровни IQ, но даже сама принадлежность к человеческому роду являются disadvantages в постперестроечной Украине.

Жить, правда, было можно, и даже неплохо. Особенно хорошо это удавалось разного рода привратникам, мошенникам, чиновникам и, конечно же, овчаркам – в широком смысле этого слова.

Цена вопроса

Помню, как я получил первую зарплату на кафедре. Мне заплатили тысячными купюрами. Были такие деньги на Украине – печатались на простой бумаге, без водяных знаков. Любая валюта гражданской войны была образцом криптографического искусства по сравнению с этими деньгами. Назывались они купоны. И почти каждый день печатались новые номиналы. Все, как только брали их в руки, спешили тут же обменять на какие-нибудь материальные ценности. Инфляция тогда могла составлять 10 процентов в день. И вот я получил на руки красивые оранжевые бумажки, восемь штук, зашел в дорогой комиссионный магазин и купил себе куртку за всю зарплату. Очень даже чудесную куртку, она до сих пор в гараже лежит. Помню, весь магазин собрался обсуждать: брать эти деньги или нет. Потом, конечно, приняли. Тогда и пришла впервые мысль, что всю эту валюту можно напечатать на цветном принтере – ни водяных знаков, ни даже номеров на этих дензнаках не было. Ну, наверное, и печатали…

Потом, перебирая в руках эти бумажки, подумал, что за пару мешков таких можно купить целый советский завод. Ну, наверное, и покупали…

Я же, вместо того, чтобы заняться печатанием купонов, продолжил поиски работы. Следующую итерацию я совершал уже без Краса. Так не очень красивая девушка никогда не берет с собой на свидание более симпатичную подругу.

Пришел на проходную очередного бывшего флагмана советской индустрии, где какое-то малое предприятие набирало себе сотрудников. Слово за слово, вышел я оттуда заместителем начальника отдела маркетинга. С зарплатой, в 10 раз большей, чем на кафедре, и свободным графиком работы. Целью этого малого предприятия была приватизация того самого завода, на теле которого оно паразитировало. Что, собственно, благополучно и было сделано. Приятно было работать с этими людьми: на зарплату они не скупились, в пайке не отказывали, а главное – остро чувствовали тех, кто способен помочь им проложить дорогу к личному благополучию.

Я все еще в своем любимом кафе на набережной Инглиш бей и мне мешает сосредоточиться английская речь, несущаяся со всех сторон. Кто-то обсуждает, как он купил дом за два миллиона, и выясняется, что это русский дядечка делится со своей азиатской подружкой. И русские, и азиаты зарабатывают деньги не здесь… От этого шума даже начинает болеть голова, но я мысленно возвращаюсь в далекие 90-е.

Итак, схема была простой и эффективной, как автомат Калашникова. Завод что-то производил. По условиям договора, он не мог самостоятельно ни закупать сырье, ни реализовывать продукцию. За него это делало малое предприятие. Завод платил налоги, зарплату, содержал помещения и так далее. Малое предприятие не платило ничего. Предприятие брало в долг сырье и отдавало его заводу по втрое завышенным ценам. В то же время оно забирало продукцию завода и по втрое завышенным ценам продавало ее потребителям. Долги завода росли, доходы малого предприятия росли пропорционально. Пока, наконец, не стало очевидно, что завод не рассчитается с долгами никогда. В этот момент все его имущество перешло в собственность малого предприятия, в счет погашения долга по остаточной стоимости.

Бывший директор завода все еще сидел в своем кабинете и грелся водкой, так как отопление ему отключили. В правлении руководители малого предприятия, попивая чаек, посмеивались и заключали пари, долго ли он еще высидит. В силу своей коммунистической экономической ограниченности он не сразу понял истинные масштабы происходящего, и за какие-то серебряники позволил ситуации развиваться. А когда понял – все еще надеялся, что печать и подпись помогут ему получить какую-то значимую долю. Но люди с деньгами в то время легко выходили на самый верх и решали все через голову. А деньги были не у него.

Правда, с ним обошлись по-человечески. Чтоб не портить общую картину, ему дали отступного и отправили секретарем в какой-то райисполком. Так как уже стали наведываться иностранные инвесторы, и старый коммунист с неестественно красным лицом в огромном кабинете вызывал недоумение. Вот такая цена вопроса…

Поскольку новые хозяева заниматься производством не горели желанием, что-то они сдали в аренду, что-то продали по частям, а на остальной территории сделали контейнерную площадку, которая так и не заработала. И такая картина наблюдалась по всей стране…

Возмещение ущерба

Как-то мой знакомый профессор предложил организовать бизнес. Его коллеги, три доцента и один младший научный сотрудник, придумали возить лампочки из Польши и продавать на Украине. Бизнес пошел, и профессор посоветовал приобщиться к нему.

Поначалу ничего хорошего из этой затеи не выходило. Но потом все-таки раскрутилось и к концу второго года мы не только не были должны, но даже наметилась прибыль – тысячи 3 долларов. И вот, 28 декабря, часа в четыре вечера, в офисе прозвучал звонок. Звонили из милиции, из какого-то отдела со странным названием, и просили зайти переговорить. Я с сомнением покачал головой. Но директор Игорь очень уж не хотел оставлять такие разговоры на потом и поспешил на встречу, чтобы потом побыстрее окунуться в праздничную суету. А я уехал домой. Вскоре Игорь позвонил и рассказал: ему сообщили, что наша фирма фиктивная. То есть такая, которая не ведет настоящей деятельности, а только переводит наличные деньги в безналичные, и наоборот. Поэтому ему предложили возместить ущерб в сумме 4 тысяч долларов. Сам он будет задержан до возмещения ущерба. Еще добавил, что звонок этот последний, из кабинета следователя, и больше он позвонить не сможет.

Рассуждая здраво, я решил, что если возместить несуществующий ущерб – вслед за этим можно схлопотать и вполне существующий срок, да еще и по хорошей статье. Это охладило первый порыв. Знакомый прокурор не смог сказать ничего определенного. Фигурантов по этому делу немало, оно какое-то мутное и каждый решает его, как может. Но концы все в Киеве.

Он же посоветовал опытную адвокатессу, которая принялась все подробно расспрашивать. Особенно ее интересовало, действительно ли предприятие фиктивное. А также множество деталей про поставщиков, потребителей и так далее. Знала она подозрительно много по этому делу – гораздо больше, чем я рассказывал. Мне же настоятельно советовала подъехать к следователю и переговорить по душам.

Вечером приехал прокурор – пообщаться.

– Я хотел тебе сказать, – смущаясь, произнес он. – Я только что узнал… Эта адвокатесса… Они со следователем почти родственники. Ее дочь и его сын встречаются и собираются пожениться. Так что к следователю ты не езди. Закроют, как и всех остальных.

Все это происходило в рамках уголовно-процессуального кодекса. У следствия было три дня, чтобы либо предъявить обвинение, либо отпустить задержанных. К вечеру второго дня адвокатесса сообщила, что она пообщалась с заместителем прокурора, и что «вашего Игоря посадят, если не возместите ущерб сегодня до 24.00».

В нашей «большой» компании на свободе оставались только я, кладовщик, водитель и девочка-бухгалтер Таня. Она год назад закончила универ, и взяли ее на работу исключительно из соображений экономии.

Руководство в нашем с Таней лице заседало уже второй час, а решения не было. Таня закончила экономико-правовой факультет и тоже понимала, что пока мы ничего не предпринимаем – это беспредел со стороны органов, а начни возмещать ущерб – это явка с повинной. Но у Игоря слабое сердце и дети дома, готовятся встретить Новый год. Точнее, готовились.

В 23.00 Таня решительно взяла со стола сверток с деньгами.

– Значит так, – сказала она и одернула миниюбку. – Тебе идти нельзя, иначе придется еще один пакет нести. Поэтому пойду я. Игоря там оставлять нельзя. Дальше будет видно.

Через час она вернулась, смущенно улыбаясь.

– Ну что, отдала?

– Отдала.

– И?

Она протянула расписку: «Я, капитан такой-то, принял у Татьяны такой-то столько-то долларов США в счет возмещения ущерба».

– Ты что, расписку с них взяла?!

– Ну да. Я сказала, что меня убьют, если не будет расписки. Как я иначе докажу, что не оставила деньги себе? – она кокетливо пожала плечами.

– И тебе дали… А не страшно было так наглеть?

– Страшновато. Они там с автоматами и пьяные уже. Но ребята нормальные, мы пошутили, посмеялись, они меня отпускать не хотели.

– Могу себе представить…

– Продиктовала им, что писать, – продолжала Таня. – Я же все правильно сделала?

Сейчас Таня – финансовый директор очень крупной компании, связанной с внешнеторговыми операциями. Вот тебе и соображения экономии.

Потом заехал прокурор. Попили чаю. Я знал его еще со школы. Свой новый красивый дом он построил собственными руками. Сам клал кладку, вставлял окна, укладывал полы,

накрывал крышу. Сам построил камин. Денег все время не хватало. Мне тоже. Недостающие мы одалживали друг другу по очереди. Он был каким-то неправильным прокурором, а может, просто не вошел в силу.

Ездил он на «Жигулях». «Жигули» все время ломались. Но как-то произошло непоправимое. Этими самыми «Жигулями» он сбил корову. Ее рог застрял в радиаторе.

– Что это за гладиаторские бои, – пошутил я тогда.

Но было не смешно. При полном отсутствии денег пришлось заплатить за корову, возместить моральный ущерб и придумать, на чем добираться на работу. Жил он за городом.

Спустя немного времени что-то поменялось. Взгляд прокурора стал немного другим. А через пару месяцев он заехал на довольно приличной иномарке. Потом на BMW. Разговоры о деньгах сами собой сошли на нет.

– Знаешь, – сказал он как-то, – сколько я видел дел, в которых только два листика – постановление о возбуждении дела и о его закрытии? Знаешь, что это значит?

– Что?

– Это значит, что дело возбудили, люди рассчитались, дело закрыли. И все.

– А как же преступление и наказание, Фемида с весами?

– К таким делам это, конечно, отношения не имеет, – согласился прокурор. – Но ты думаешь, прокуратура просто деньги берет и отмазывает преступников? Отнюдь. Их ждет суровое наказание. Просто в некоторых случаях уголовное наказание может быть заменено на о-очень большой штраф. Как в развитых капиталистических странах. Зачем перегружать пенитенциарную систему? Наказание-то они понесли…

Год спустя дело закрыли. Действия «правоохранительных» органов признали незаконными, ущерб возместили – на этот раз уже нам. Никто из исполнителей не пострадал, с некоторыми из них мы продолжали дружить – ребята действительно оказались неплохие. Когда возвращали деньги, спросили, не хотим ли мы оставить немного «на развитие правоохранительной системы». Мы сказали, что не хотим, что было воспринято с пониманием…

Тридцать лет реформ

Не считая Москвы, в бывшем Союзе было два центра, где занимались разработкой вычислительных систем – это Минск и Киев. И если в Минске завод по производству микросхем был загружен на год вперед производством чипов для китайских музыкальных открыток, то коридоры киевского института кибернетики мне запомнились надолго.

Я шел по длинному, бесконечному коридору великолепного модернового здания – весь комплекс занимал, наверное, не один гектар. Тишина и полное отсутствие людей создавали ощущение нереальности. Все двери были открыты, на столах – нормальный рабочий беспорядок: документы, папки, открытый литературный журнал, чашка с недопитым высохшим кофе и все это покрыто толстым-толстым слоем пыли. И ни одного человека, даже в перспективе. Я такое видел только в голливудских фильмах. Но это было так обыденно, и поэтому особенно страшно.

Новые корпуса, новые технологии, страна почти в центре Европы, журналы «Техника молодежи» с проектами будущего и, наконец, моя специальность по разработке новых вычислительных систем – все кануло в лету вместе с этими коридорами. Остались востребованными, как говаривал известный персонаж, только «сено, хлеб, штаны».

Почему-то вспомнился Китай. Деревенька в горах, цех по выплавке алюминиевых деталей. Вся деревня плавит в одном цеху, потом разносят заготовки по своим малым предприятиям и там обрабатывают. Посреди помещения бадья с булькающим алюминием – индукционная плавильная печь. Товарищ в наряде сталевара 1930-х с металлическим черпаком на длинной ручке черпает алюминий из бадьи и разливает его по формам. Вытекший из форм или пролитый металл попадает обратно в бадью.

Хозяин на новом «Бьюике», парень лет 28-ми, с благодарностью принял в подарок блок сигарет. Сказал, этого хватит, чтобы задобрить налоговую инспекцию. Потом целый день возился с нами, таскал по ресторанам, хотя было совершенно непонятно, будет от нас какой-то толк или нет. Под конец дня деньги у него кончились, и в последнем ресторане мы уже рассчитывались совместно. Население производило впечатление совершенно нищего.

На складе – продукция в качественной красочной упаковке с лейблами made in Canada, made in Italy и даже made in Ukraine. Попросили не фотографировать – могут быть неприятности. В

населенных пунктах, которые находятся не так высоко в горах, таким баловаться не рискуют.

Та же деревенька два года спустя. Хозяин в новом кабинете демонстрирует образцы новой продукции. Изделия разработаны итальянскими дизайнерами специально для его компании. Люди выглядят гораздо лучше, исчезла какая-то униженность, в движениях появилась уверенность.

На правах старых знакомых выпиваем бутылочку доброго вина. Быстро захмелевший хозяин пускается в откровенности.

– В мире у нас нет конкурентов. Ресурсы нам предоставит Россия. На меня уже работают итальянские и немецкие инженеры. Скоро мы будем определять мировую политику, а мой сын будет учиться в МГУ.

Наивно, конечно, еще и МГУ ему зачем-то понадобился… Но всем известны истинные успехи Китая. Успехи таких вот молодых бизнесменов при поддержке старых партийных бонз.

Два коммунистических прошлых, два пути перемен, два финала этих перемен…

Город Шеньчжень поражает воображение даже после глубокого знакомства с Китаем. 30 лет назад на этом месте была рыбацкая деревня. По распоряжению Ден Сяопина, в рамках экономических реформ, в противовес «капиталистическому» Гонконгу началось грандиозное строительство. Сейчас Шеньчжень является одним из мировых центров разработки и производства компьютерных систем и компонентов. Население будущего города подбиралось по всему Китаю по принципу наших академгородков. На сегодняшний день – модерновый город с более чем 9 миллионным населением. 9 миллионов людей, живущих в новых прекрасных домах с отличной инфраструктурой, соединенных дорогами, построенными немецкими инженерами. Самое высокое здание – 440 метров. Лучшие специалисты в стране в области вычислительной техники. 30 лет реформ.

Город Киев. Институт кибернетики – некогда одни из лучших в мире решений в области архитектуры вычислительных систем. 30 лет реформ…

Скромное обаяние сослагательных наклонений

Я люблю запах развороченной экскаватором земли, какой бывает еще на свежевспаханном поле. И запах бензина, который нельзя ни с чем перепутать. Это запах дальних дорог, путешествия на автомобиле куда глаза глядят, запах свободы.

А еще – запах свежего бетона. Он ассоциируется с тем, что на месте старой, трухлявой халупы скоро возникнет что-то новое и прекрасное. То, что, скорее всего, переживет нас с вами, на что будут смотреть потомки, радоваться или огорчаться, где будут жить и чем пользоваться будущие поколения. Это как вести урок в школе или лекцию в университете, понимая: то, что удастся заронить в эти неискушенные души, может определить историю развития человека или человечества. Особенно, если это элитная школа или университет – хоть это и не справедливо – и дети, повзрослев, будут перестраивать мир по своему разумению. Вспомнилось: «Наша жизнь ничего не стоит, дорого стоят только наши дела для счастья других людей».

Наши дела…

Однажды ко мне пришел мой товарищ и принес пакет документов на открытие частного предприятия. По тем временам – вещь неслыханная. Исполкомовские юристы смотрели на них, как баран на новые ворота. Но в этот раз все как-то получилось. Предприятие занималось разработкой программного обеспечения. В фокусе его деятельности оказались автотранспортные предприятия – они все еще что-то перевозили, и после автоматизации одного остальные решили быть не хуже.

За первую программку с нами рассчитались новым дизельным ЗИЛом с прицепом. Сегодня написание такого софта заняло бы неделю у средней руки программиста.

Что делать с этой игрушкой, мы не знали, а ходить пешком надоело, поэтому быстро и «выгодно» обменяли аппарат на шестилетнюю «тройку», на которой начали ездить в столицу, покупать технику и продавать нашим клиентам. Весь процесс занимал почти сутки. Но вот как-то довелось задержаться дольше обычного. Мой друг был за рулем почти 20 часов и за 100 километров до города просто уснул. И сделать с этим ничего было нельзя. Пришлось вести машину самому. Я видел, как это делали другие, поэтому как-то тронулся и старался не тормозить. Уже при въезде в город машину остановил милиционер, размахивая автоматом. На дороге в свете фар показалась

бесформенная окровавленная куча.

– У нас перестрелка, огнестрельные ранения, выгружайся, повезешь трупы.

Пришлось рулить по направлению к куче.

– Ты что, пьяный? Почему машина рыскает, давно водишь?

– Два часа.

Тут показались фары другого автомобиля, милиционер с сомнением посмотрел на гору коробок в салоне, поводил автоматом туда-сюда и переключил свой интерес на другого потенциального перевозчика. Не желая показаться навязчивым, я воспользовался возникшей в разговоре паузой и покинул место происшествия.

Так я научился водить машину.

Спустя полтора года наша компания выиграла тендер на большую сумму на поставку техники для какого-то государственного фонда. Не без помощи тещи моего друга и компаньона, которая была председателем этой структуры.

После чего друг, смущенно улыбаясь, сообщил, что теща хотела бы войти в дело. И чтобы дело это стало семейным, так сказать. И было бы хорошо и по-товарищески, если бы я все правильно понял и освободил это место.

– А как же все то, что мы делали вместе? Ведь если бы не это, ничего бы просто не было.

– Знаешь, – сказал мой друг, – я не люблю сослагательных наклонений…

Так я научился ценить дружбу. А еще выучил красивую фразу, которая потом не один раз пригодилась в жизни.

Сказки для взрослых

© *Андрей Лукас*

Девушка из маленькой таверны

«Британский майор Саммерфорд умер после третьего удара молнией. Четвертая молния полностью разрушила его памятник на кладбище».

Карма
Саммерфорда

Роб Иохансон опоздал на самолет. Ему срочно надо было в Париж, а лететь пришлось в Таллинн. Будучи одним из самых молодых капитанов Шведского торгового флота, он успел побывать практически везде. Впрочем, еще в детстве он объехал почти весь мир – его семья любила путешествовать и могла себе это позволить. Отец, профессор Стокгольмского университета, никогда не сидел на месте и таскал за собой маленького сынишку, в то время как мама занималась семейным бизнесом, доставшимся ей еще от деда. Морская профессия не входила в планы папы, но Роб определился в жизни сам.

Нужно заметить, что темперамент у капитана был самый что ни на есть скандинавский. Когда он также опоздал и на паром, то решил скоротать время в кафе неподалеку, к тому же и есть уже хотелось не на шутку.

Настроение у Татьяны было – хуже некуда. Она работала в этом кафе официанткой почти два года, и эта нудная и рутинная работа ей не нравилась, но никакой другой пока не предвиделось. Перспективы на жизнь были самые туманные, а сегодня ее еще и бросил любовник. И вот с таким настроением человек вышел на работу. Слава богу, хоть посетителей было немного.

Сонный швед ей сразу не понравился. Он пытался что-то заказать, но так как с английским у Татьяны были проблемы, она никак не могла понять что. Тогда швед при помощи body language стал пытаться помочь ей.

В какой-то момент Таня отчетливо поняла, как ей все надоело и особенно этот нудный вежливый посетитель. Принято говорить, что у нее сорвало башню. Она стукнула шведа по голове меню, затопала ногами и закричала, что он может убираться, а потом высказала все, что не успела сказать любовнику.

Роб обомлел. Такого темперамента он не встречал в своей скучной жизни. В ту же секунду он понял, что это его женщина, и он отсюда без нее не уйдет.

Я не знаю, как развивались события дальше, я познакомился с ними, когда у них уже было трое маленьких детей и прекрасный дом на побережье. Таня закончила курсы дизайнеров и занималась украшательством этого дома…

Иной раз женщины столько сил тратят, чтобы понравиться выбранному ими мужчине, или точнее, приобрести на него права собственности, а тут…

Прав был О. Генри. Воистину – дороги, которые мы выбираем, внутри нас. Или, как говаривала моя бабушка, – свою судьбу ты встретишь даже с мусорным ведром.

Ноктюрн по доктору Фрейду

Профессор рассматривал вензеля на старинном кресле в своем кабинете. Кресло это он обменял у декана исторического факультета на три современных компьютера. Трансферт прошел безболезненно, так как, в общем-то, и то, и другое принадлежало к разряду государственного имущества и оно просто поменяло своих фактических хозяев. Профессор питал слабость к таким вещам. Приятно было сознавать, что вот на этих же самых подушках сто с лишним лет назад елозила чья-то августейшая задница.

Приятность момента омрачало только одно – только что он получил новые указания насчет хода вступительной кампании. Он очень не любил эту почетную часть своей работы. Чтобы иметь доступ к грантам, финансировать талантливых студентов, оснащать лабораторию, участвовать в распределении университетского бюджета, нужно быть одним из… Нужно, чтобы тебе могли доверить самое щекотливое дело. А как же иначе, ведь вы команда. Команда…

В этом году как будто свет клином сошелся на их университете. Такого количества просьб и ходатайств не было давно.

Ему уже неоднократно звонили из администрации, СБУ, милиции – просили озаботиться то тем, то этим товарищем, да и прочие руководители не забывали о своих чадах. Правда, просьбы звучали неодинаково – от откровенного наезда до очень интеллигентной просьбы, в которой тем более не хотелось отказывать. Десять минут назад шеф вызвал его и, чуть отводя взгляд в сторону, попросил: «Послушай, тут как бы недоразумение вышло, с одним парнем, нечетко отработали, теперь вроде как и взять его надо, но ты же понимаешь, что некуда. Разберись с этим, пожалуйста».

Двадцать лет назад наивный абитуриент Саша Балашев решил попытать счастья и поступить в медицинский институт. Надеяться на какую-то особую поддержку не приходилось. Жили они с мамой и бабушкой, правда, в собственном частном доме, но Саша хорошо знал, что надеяться ни на кого, кроме как на себя, не приходится и руководствовался этим во всем. Он с отличием закончил школу, имел кучу грамот за победы на олимпиадах, за особые успехи в изучении предметов, за особые достижения в… и в… и даже был членом опереточной Малой академии наук, что тоже давало определенные преимущества при поступлении. Одноклассники звали его профессором – за академические

успехи, не вкладывая в это никакой злой иронии. Им даже импонировало, что с ними учится такой эрудированный мальчик, с которым многие учителя держаться настороженно, опасаясь неудобных вопросов.

Вместе с тем он не был, как теперь принято говорить, «нёрдом».

Когда он заканчивал школу, завуч, придирчиво осмотрев его выпускные оценки и не обнаружив там ни одной четверки, спросила:

– Почему же вы не сказали, что идете на медаль? Учтите, все заявки на медалистов мы уже подали, так что медаль вам не светит.

Сказано это было таким тоном, как будто он не сознался в какой-то постыдной болезни и вот когда все открылось, никто не знает, что с этим делать. Саша пожал плечами и вышел.

Какая разница – идешь, не идешь. Сашина мама в школе почти не появлялась и очень была этому рада. Не трогают – значит, все хорошо.

Разложив на столе свои регалии, он решил попробовать поступить в медин. В конце концов, в школе он учился на «отлично», с репетиторами занимался, в олимпиадах побеждал.

Ну, возьмут каких-то «позвоночников», но ведь есть же конкурс и на оставшиеся места. Кто-то же туда поступает?

На первом экзамене, по химии, он получил четверку – химию он знал хорошо.

Было обидно, но это же лотерея, в конце концов. Следующий – физика. По этому предмету он почти не имел четверок и, самое главное, понимал «физику процесса», а уже потом определялся с формулами.

Накануне к нему зашел сосед. Они позанимались физикой, и он укрепился в своем мнении, что с этим предметом все будет в порядке. У соседа отец заведовал отделением в госпитале, но сам мальчик был далек от всего медицинского и мечтал стать артистом. Очевидно, дома решили, что артистом можешь ты не быть, ну, а хирургом быть обязан, или не хирургом… Во всяком случае, жена ректора работала в том же отделении, а это сильно повышало шансы на успех. После занятий Саша уверился в своих силах окончательно. Он с сочувствием оценивал шансы соседа.

И вот настал день экзамена. Вопросы были несложные, все, в общем-то, было решено. На следующий день на стенде с оценками он увидел тройку. У соседа было пять.

Сначала он тупо смотрел на стенд, потом встал и пошел в приемную комиссию.

– Я хотел бы посмотреть свою работу, – сказал он, глядя

секретарю в глаза.

– А в чем дело?

– Я не понимаю, почему у меня такая оценка.

– Ну, что вы не понимаете, наверное, ошиблись где-то…

– Я хотел бы видеть, где.

– Конечно, сейчас-сейчас, – сказал секретарь и исчез.

Полчаса ожидания ничего не дали. Найдя уже ответственного секретаря, он обратился к нему с той же просьбой (предыдущий явно был безответственный).

– Вы знаете, мы не можем вам ничего показать.

– ?

– Вашу работу мы уже сдали в архив.

– А как ее оттуда получить?

– Это к проректору.

У кабинета проректора толпились люди, самого его не было.

Ну что ж, тогда в архив.

Архив находился на задворках университета, как и положено, в полуподвальном помещении с облезлой, обитой железом дверью. Дверь находилась в приямке, и чтобы попасть в архив, нужно было спуститься вниз.

У дверей архива толпилось несколько таких же потерпевших, которые безуспешно пытались найти свои документы.

– Это что, очередь? И кто же последний?

– Да нет там никого, – услужливо подсказали ему. В этот момент за дверью что-то задвигалось и зашуршало. Саша постучал. Все затихло. Постучал громче – тишина. Он стал молотить кулаками и ногами в дверь. Остальные с опаской наблюдали. Ничего.

Он поднялся из приямка. Врезной замок, на который была закрыта дверь, находился на уровне груди. Потом это чувство не раз помогало ему в жизни.

Он стал совершенно спокоен. Эти люди боятся его, они украли его оценку, а теперь трусливо прячутся за этой облезлой дверью.

Он разбежался и со всей силы ударил ногой в дверь, как когда-то учили на секции по каратэ. Прямой удар. Гарантированный перелом.

Дверь, снаружи казавшаяся такой прочной, на самом деле оказалась гнилой.

Замок был прибит гвоздями и вылетел вместе с куском двери. Позже эта дверь всегда ассоциировалась у него с гнилостью всей системы – снаружи такой пугающе прочной, а на самом деле прогнившей и хлипкой, не выдерживающей прямого удара. Саша по инерции влетел в пыльное помещение и чуть не разнес столик,

за которым чаевничали местные старожилы.

Они были в шоке, крошки прилипли к подрагивающим губам.

– Моя фамилия Балашев, мне нужны мои документы.

Документы нашли моментально, отдали все личное дело, не разбираясь, – он мог унести пол-архива.

Оставшиеся потерпевшие стали просачиваться в подвал. Уходя, Саша слышал, как пришедшие в себя подвальные типы грубо выталкивали их наружу.

В приемной проректора уже никого не было. Сам проректор доброжелательно посмотрел на него и жестом пригласил войти.

Пожилой импозантный мужчина, с благородной сединой – ходячий профессорский стереотип.

– Что вы хотели?

– Я принес свою работу по физике. Я получил по ней тройку. Если было бы хотя бы четыре, я мог бы рассчитывать на поступление. Но три… Тем не менее, я не вижу никаких ошибок. Лист абсолютно чистый, без правок. Только стоит оценка «3». Я хотел бы понять, в чем дело.

– М-да. Пригласите, пожалуйста, преподавателя, который проверял эту работу.

Секретарша помчалась выполнять просьбу. Через полчаса пришел преподаватель.

Тупо посмотрев работу, он развел руками:

– Вроде все правильно. Как-то так… Бывает. Все ошибаются.

– И что мне делать?

Опять пожимание плечами.

– Я хотел бы подать апелляцию, – сказал продвинутый Саша.

Проректор, отпустив преподавателя, заинтересованно посмотрел на него.

Ого, эта козявка еще трепыхается…

– Знаете что, – сказал он вслух, – я вижу, вы способный молодой человек, приходите на следующий год.

– Что значит на следующий, я вообще-то собирался поступить в этом. И как насчет апелляции?

– А, это… – проректор мельком глянул на часы. – Апелляцию можно подавать до 12 часов, а сейчас, простите, уже пять минут первого, – и он лучезарно улыбнулся.

Профессор Балашев задумчиво смотрел перед собой, погруженный в воспоминания, когда его привел в чувство голос того самого студента.

– Александр Владимирович, так что мне делать-то, я ведь вроде решил все правильно.

Профессор посмотрел на него. Легкая жертва, такой не пойдет разбираться.

Скромный толковый парень, из таких получаются хорошие инженеры и ученые-фундаменталисты.

– Что делать? – профессор лучезарно улыбнулся. – Идти учиться. Поздравляю. И не бойтесь пнуть гнилую дверь.

– Что, простите? – испуганно спросил новоиспеченный студент.

– Да ничего, это я так, детство вспомнил.

Как встречали Фильдеровича

По несчастью или к счастью,
истина проста, —
никогда не возвращайтесь
в прежние места…

Геннадий
Шпаликов

Представьте, что вы покинули страну двадцать лет назад как правоверный еврей, и с тех пор больше ни разу не были на исторической родине – в Одессе. Перед тем, как выпустить, вам, конечно, вынули всю душу различные правоохранительные органы, заставили отречься от всего что можно, предали анафеме и взяли обещание больше никогда здесь не появляться.

И вот спустя двадцать лет наступила перестройка, ваши друзья цеховики стали заседать в горсовете, а ваши знакомые опера стали уважаемыми людьми в КГБ.

Фильдерович тоже не терял времени в Америке. Маленький вначале бизнес разросся и ко времени, о котором речь, представлял собой компанию средней руки с неплохим годовым оборотом.

Будучи наслышан о деньгах, которые валяются в постперестроечной Украине под ногами, и видя, с какой скоростью его бывшие однокашники становятся миллионерами, Фильдерович не мог больше усидеть в Америке. И, несмотря на все опасения, решил-таки вернуться в Одессу и заняться бизнесом.

Памятуя все свои злоключения, он оповестил старых знакомых – теперь уже уважаемых людей – и попросил, чтобы его встретили по-человечески, не мурыжили на таможне, не придирались на паспортном контроле и так далее.

Те клятвенно пообещали.

Спустя неделю самолет Фильдеровича приземлился в Одессе. Подрулил к зданию аэровокзала, такому до боли знакомому. Народ засобирался.

Тут в салон вошел молодой человек в костюме, вежливо попросил всех оставаться на своих местах и, сверяясь с бумажкой, осведомился: гражданин Фильдерович здесь находится? При этом он обвел внимательным взглядом салон, профессионально задерживаясь на тех, кто начинал суетиться.

Фильдерович понял, что отпираться бесполезно, и надо

сознаваться. Сразу вспомнилось что-то про чистосердечное признание…

– Здесь, – робко промямлил Фильдерович.

«Друзья не бросят, – подумал он, – а может, уже самих взяли?»

– Пройдемте, Вас ожидают, – сказал молодой человек и пошел по проходу, ничуть не сомневаясь, что искомый товарищ трусит где-то сзади. Это была уверенность, выработанная годами безупречной службы.

Остальные пассажиры продолжали сидеть в салоне, когда Фильдерович на трясущихся ногах спускался по трапу, а молодой человек, докуривая сигарету, придерживал дверь серой «Волги».

Фильдерович смутно помнил, как машина подвезла его к служебному выходу из аэровокзала и…

…старые друзья полезли обниматься, ожидая благодарности за предоставленный сервис. После похлопываний и поцелуев, поняв, что в подвалы его везти не собираются, он дал волю чувствам.

Тот текст здесь приводить неуместно. В конце добавил, что еще одна такая встреча – и его можно везти прямо в реанимацию. Друзья дружно ржали.

Сегодня это звучит смешно: ну, встретили человека и встретили, но представьте себя на минуту на его месте…

Вы уезжали из одной страны, а приехали в со-о-вер-шен-но другую. Completely different, как сказали бы на его новой родине.

Дом

Этот дом доживает свою жизнь, как и его хозяин. Он стоит на маленьком островке зелени, прямо на берегу, среди модных новостроек в фешенебельном районе Ванкувера и смотрит на океан своими старыми добротными окнами, в обрамлении цветов. Когда-то на этом месте стояла водяная мельница. Прямо за стеной протекает ручей, который крутил мельничное колесо, и впадает в океан. Он и сейчас его крутит, правда, декоративное. В доме сохранилось множество вещей со времен бытности этого помещения мельницей, очень красиво и умело декорированных на современный манер. Пирс, такой же старый, который, наверно, служил еще первым поселенцам, а теперь заброшенный за ненадобностью, но отнюдь не ветхий, очерчивает эту территорию, как бы вырванную из контекста времени.

В округе к этому дому относятся с завистью и уважением и почтительно ждут, когда его хозяин закончит свой земной путь, чтобы возвести на его месте модную новостройку.

Достоинство, с которым этот дом занимает свою территорию, можно сравнить только с достоинством его хозяина, 93-летнего мистера Ллойда, в прошлом военного моряка, красивого высокого блондина с умным и добрым лицом. Он все время улыбается и шутит, и смотрит на собеседника тем умным взглядом, которым может смотреть только человек, который знает о жизни значительно больше вас, но ничего не хочет, кроме как закончить свою жизнь так же достойно, как ее прожил. Портреты его жены, удивительно красивой женщины, украшают стены дома. А также фотографии кораблей, самого Ллойда в военно-морской форме и их совместные фотографии.

В свои 93 года каждое утро мистер Ллойд ходит в спортзал, где проводит не менее двух часов, а затем садится писать книгу. Она об истории его жизни и семьи. Книга изобилует какими-то документами посвящения в рыцари, фотографиями первых поселенцев и тому подобным.

У него много детей и внуков. На Рождество они собираются вместе. В остальное время он живет один. На берегу океана. В своем старом доме. И пишет книгу. Он скучает по своей жене, но никогда не говорит этого. Никто не знает, о чем он думает, когда вечерами стоит на старом пирсе и смотрит на океан. Может, о том кусочке истории, который унесет с собой навсегда? Мне почему-то кажется, что дом разрушится сразу, как он уйдет. Уйдет с честью. With dignity, как он бы сказал. Почему-то мне так кажется…

Сказка о злом компьютерном волшебнике или Новая сказка о потерянном времени

Жил-был злой компьютерный волшебник Глюк. Его давно обижало, что реальность, в которой он жил, называли противным словом «виртуальная». А почему виртуальная? Да потому, что нет никаких измерений, все кажущееся, пощупать ничего нельзя.

И вот решил он взяться сразу за четвертое измерение – за время. Глюк стал замечать, что многие дети часами просиживают за компьютером и колбасят всяких членоголовых монстров, не замечая при этом ничего. Ни мамы, ни папы, ни, главное, времени. Оно для них будто остановилось. И в этой точке останова Ілюк решил перекинуть мост между двумя реальностями, собрать время на специальные носители с тем, чтобы впоследствии с их помощью материализовать свой воображаемый мир.

И с необычайной энергией магистр черной компьютерной магии чисел Глюк засел за программу, которая все это будет делать.

Прошло не так много времени. Все стали играть в игру, от которой буквально нельзя было оторваться. Более того, если ее один раз запускали, компьютер потом вообще невозможно было выключить.

В игру начали играть не только дети, но и взрослые, особенно мужчины, которые, как известно, просто большие дети. Они обросли бородами, неделями не мылись и от них воняло, как от козлов.

Красными глазами они смотрели на экран, а по ту сторону, на бесконечных просторах виртуальной реальности, вращались огромные барабаны, в которые, светясь голубоватым светом, стекались секунды, минуты, года и тысячелетия. Да, да тысячелетия!

Ведь если каждый житель такой страны, как Китай, потеряет за компьютером только одну минуту, то на носителях Глюка окажется больше двух тысяч лет. Магия чисел. А Глюк был магистром этой магии.

И когда, казалось, ничто уже не могло спасти мир, добрый волшебник Дядя Вася, который до этого спал в своей каморке и вообще не видел никаких компьютеров, дернул за рубильник и везде погас свет.

Мужчины пошли мыться, бриться и отсыпаться. Дети зажгли китайские фонарики и сели за уроки.

Вот так опростоволосился злой волшебник Глюк, который не знал реалий настоящего мира.

Шарик

Палыч выделялся среди остальных бичей настоящей искренней интеллигентностью. Вместе с тем, он пользовался таким же настоящим авторитетом. Именно авторитетом. Уважением такого рода, которое встречается в местах лишения свободы по отношению к людям, которых не хочется проверять на прочность. Он сидел, и что удивительно – по тяжелой мокрушной статье, зарубил топором товарища.

Как-то этот факт никак не вязался с его образом: Палыч сам по себе, факт – сам по себе. Он не жил в вагончиках со всеми, а поставил палатку в стороне, на пригорке, не опасаясь ни медведей, ни кого другого. Он тщательно охранял свою privacy. Так тщательно, как я впоследствии встречал только у людей с истинно западным воспитанием, которых, к примеру, могло покоробить слишком сильное рукопожатие или чересчур короткая физическая дистанция при разговоре.

Как-то вечером, когда большинство товарищей уже приканчивали вторую бутылку спирта, я подсел к Палычу, который задумчиво смотрел на закат. Ярко-красное солнце вот-вот собиралось скрыться за сопками.

– Палыч, ты никогда не был женат?

– Нет, – не жеманясь, отвечал он.

– А почему?

– Да не случилось как-то. Всю жизнь проходил на краболовах. А это такое дело – полгода в море, потом надо заземлиться – пьем, гуляем, пока деньги не кончатся, потом опять в море.

– И что, никогда никто тебе не нравился, никогда не хотелось влюбиться?

Палыч задумался.

– Мне было тогда лет 25. Мы сошли на берег в очередной раз, ребята пошли по шалавам и за выпивкой. Пришли в один барак, все куда-то разбрелись. Я один остался. Стою, в проходе темно, а через доски солнце пробивается. Вдруг вижу – девчонка идет по проходу и воздушный шарик впереди толкает, подпрыгивает и не дает ему упасть. Ей, наверно, лет 15 было. Солнце так и переливается у нее на волосах – волосы густые русые, глаза ярко-голубые и платье почти прозрачное, легкое. Я даже глазам не поверил – в этом бараке такое…

Она мне улыбнулась, а я так и не подошел. На мне роба была такая, знаешь, как бывает… В общем, постеснялся…

А тут ребята вернулись, потащили меня куда-то, там гулянка шла уже вовсю. Я есть ничего не мог и пить тоже. Все время этот

шарик вспоминал и думал, что эта девчонка здесь делает. Потом открылась дверь, она вошла, села за стол со всеми. Ей стали наливать, и она пила наравне со всеми, а потом мой товарищ, бабник большой был и, знаешь, гнилой такой, он ее сразу приметил и все время вокруг нее терся, а она сидела с безразличным выражением лица. Потом они ушли вместе куда-то. Он вернулся под утро довольный, потный, стал рассказывать, как он ее и куда, и какая она горячая и красивая, и как она ему давала…

Я пьяный был. Бил я его долго, разбил всю морду в кровь зачем-то. Помню только, что уносили его. Блин, убить же мог. Все от того, что заземлиться не успел.

Да… А шарик этот… Я всю жизнь его вспоминаю. Вот такое же солнце было. На закате…

Куда уходит детство

Мое детство умерло, когда погиб мой двоюродный брат Илья. Его ударили «тяжелым тупым предметом» по голове в подъезде собственного дома. Надо сказать, очень приличного дома. Странная такая история. Еще недавно мы бегали с ним по пляжу, строили самолет, писали письма в ЦК, чтобы нам для этой цели прислали мешок болтов и мешок гаек, а теперь всего этого нет. Некому об этом вспоминать и никому это не смешно. Вся наша переписка и старые фотографии сразу стали историей, прошлым…

Куда уходит детство… Действительно – куда? Мы теряем его по кусочку, вместе с теми людьми, которых знали тогда, что были дороги и знали какие-то детские секреты – наподобие зарытого в землю стеклышка с увядшими цветочками под ним. Мы взрослеем, меняем города и страны, но детство живо, пока кто-то такой же, трансформировавшийся в большого дядьку, не учудит знакомую шутку.

А потом умерла бабушка, и от детства вообще ничего не осталось. Только какие-то смутные воспоминания взрослых дядек и тетек. А когда через год умер отец, стало казаться, что ты не человек, а дерево без корней, какое-то гидропонное растение. Но пока остается мама и старый дом, детство все еще прячется где-то в его уголках.

Я знаю, что не только я чувствую все это. Прав был уважаемый самурай: «Каждый раз, когда ты встречаешь кого-то на своем пути, помни, что он тоже что-то потерял, кого-то любит и чего-то боится».

Лера

Ей нравилось шокировать теток из НИИ, куда ее устроили по знакомству секретарем генерального директора. Лера сидела в приемной в строгих пуританских платьях. Облегающее по фигуре из блестящей ткани, длинное до пят платье с капюшоном сменялось белой блузкой с галстуком и длинной облегающей полупрозрачной юбкой. Лера была поразительно красива. Причем красотой такого рода, что автоматически хотелось верить в непорочность ее владелицы, хотя все понимали, что это не так. Белья она не носила. И это было заметно. Целомудренные наряды это тщательно подчеркивали. Институтские функционеры, сидя в приемной, посасывали валидол, а тетки смотрели на нее с ненавистью.

– Лучше бы ты ходила голая, – заметил директор, прошмыгивая в свой кабинет.

– Как скажете, – скромно потупившись, ответила Лера.

Уволить ее генеральный не мог, т. к. устроили ее по просьбе такого человека, которого идентифицировали не иначе как многозначительным мычанием и тыканием пальцем в потолок.

Непонятно, правда, почему для Лериного трудоустройства был выбран какой-то НИИ, она вполне могла бы повторить карьеру Тимошенко, т. к. красоты, ума и дерзости ей было не занимать, и она откровенно скучала в приемной, развлекаясь тем, что шокировала неискушенную совдеповскую публику.

Лера рано осталась без родительской опеки, правда, совершенно не стесненная в средствах. Родители развелись и оставили ей шикарную трехкомнатную квартиру в центре. А отец – капитан дальнего плавания – не жалел для нее ни денег, ни заграничных шмоток и потакал во всем, или просто компенсировал фактическое отсутствие обоих родителей.

Спустя какое-то время она и сама обзавелась нужными знакомствами и могла себе позволить что угодно.

Лера облюбовала отдел научно-технической информации, где работала ее соседка по дому Жанна. Туда она могла запросто зайти, сбросить с себя всю одежду и примерить новое белье, ни капли не смущаясь, что в отдел мог кто-то войти за этой самой информацией.

Жанна была звездой местного масштаба и щеголяла модными нарядами, т. к. она была тоже, как принято говорить, из хорошей одесской семьи. Но это до той поры, пока не появилась Лера. После этого Жанна стала просто одной из теток. Сравнивать их – это все равно, что сравнивать океанский лайнер, во всех огнях

входящий в порт из загранки, и каботажное судно, обслуживающее местные пассажирские линии.

В Леру по уши влюбился сын крупного функционера пароходства. Она решила ответить ему взаимностью. И если отец жениха ничего против Леры не имел, то мамаша всячески демонстрировала ей свое неудовольствие. В конце-концов девушке это надоело, и она решила объясниться:

– Ну что вы заладили: ты проститутка, ты проститутка. Я же не говорю вам: вы домохозяйка, вы домохозяйка!

Оппозиция была сломлена.

Лера еще какое-то время шокировала публику, а потом, видно, ей это надоело и она покинула гостеприимный коллектив, где все сразу стало как-то обыденно и скучно. В сущности, она была очень одиноким человеком и ей не хватало любви и дружбы. Позже доходили слухи, что она погибла. В каком-то круизе упала за борт при загадочных обстоятельствах.

С тех пор часто задаю себе вопрос – кто такие порядочные женщины? Мама мальчика, который был влюблен в Леру, которая ни одного дня не работала и пасла своего муженька? Женщины, которые всеми правдами и неправдами стараются сорвать джекпот, который бы обеспечил их на всю жизнь, или девушки, честно зарабатывающие свои деньги? Кто из них «честные женщины»?

Мне было десять лет, когда происходили эти события. Леру я видел один раз, но запомнил на всю жизнь. Так бывает.

Спустя двадцать лет в Париже я зашел в магазин дорогой модной одежды на Елисейских полях. Зашел скорее поглазеть, чем что-то купить. Французы не очень хорошо говорят по-английски, и уж тем более не говорят по-русски. Так что вполне естественно, что с продавщицей мы не поладили.

Но тут вмешалась мадам. Мадам была под стать магазину, или магазин под стать ей. Красоту ничем не испортишь. Даже временем. Лера мало изменилась. Во всяком случае, для меня. Так бывает. Или нет?

Мысли вслух

© *Артут Шагоян*

Категория веры

Кажется, что в мире происходит какое-то состязание. Бог создал человека по образу и подобию своему, чтобы он преобразовывал реальность вокруг себя силой своего воображения и силой веры. Что мы знаем доподлинно?

Что силой веры можно излечиться. Даже в маленьких количествах вера целебна (всем известен из медицины эффект плацебо).

Что человек, который отчаянно желает чего-либо, как правило, достигает этого. Человек, который верит в свое выздоровление, как правило выздоравливает, тот же, кто перестал бороться – напротив, имеет очень мало шансов.

Что такое Вера, и какая собственно разница, есть она у вас или нет?

Вы замечали, что иногда ничего, кроме уверенности, не нужно, чтобы получилось совсем безнадежное дело?

Что же это за категория такая, которая получает физическое воплощение, как только становиться Истинной верой? Если вы верите, что с вами ничего не случится – с вами ничего не случится. И если вы верите, что нечисть не перейдет за круг, – она не перейдет. Но если вы сомневаетесь – вы пропали. Вы предали свою веру, или ваша вера неискренняя.

Если вы верите в то дело, которое вы делаете, оно получится и люди пойдут за вами, потому, что вера делает просто лидеров – харизматическими лидерами. Эти лидеры совершают трансформации целых стран и народов. Кто-то создает новые компании, кто-то делает революции, и именно вера, а не что-либо другое делает лидеров лидерами, что бы там ни говорили теоретики в бизнес школах.

Кто-то высказал такую мысль, что если у вас нет веры, у вас не будет ресурса, к которому вы сможете обратиться, когда все остальные закончатся. Но если у вас есть вера – эти ресурсы не закончатся никогда. Believe me!

Если задуматься – как много общего в строении человеческого мозга и рукотворного интеллекта… Простейшие ячейки памяти, соединенные в огромный массив… Как много общего в строении человеческого организма и искусственных систем с реконфигурацией – т. е. таких, которые способны восстанавливать сами себя.

Человек вплотную подошел к тому, чтобы воспроизводить функции живого организма и заменять механическими компонентами отдельные его части.

Что же стоит за желанием повторить работу творца? Что мешает? – То, что невозможно повторить механическими средствами. А еще – Объективная реальность. Объективное восприятие человеком окружающего мира.

Но… Как много общего в виртуальной и действительной реальности.

Что стоит за попытками заменить одно другим?

Не кажется ли вам, что кто-то, лишенный воображения, пытается копировать творца руками его творений?

Никто не задумывается над тем, что кто-то пытается телесную оболочку – вместилище души, сделать главным, помещая во главу угла его желания и потребности. И направить всю эволюцию по такому пути, чтобы душа, помещенная в тело, никогда не проснулась. Чтобы создать такую систему ценностей, где в ходу будут только сено, хлеб, штаны – где не останется места для воображения, мечты, благородства и самопожертвования.

Человек слаб. Он слаб именно из-за своего дара свободного выбора. Кто-то пытается заставить его копить деньги сейчас и впрок. Для себя и для будущих поколений, чтобы оставить и им что-то. Зачем? Чтобы они могли ничего не делать? Никто не задумывается над тем, что значит – «Будет день – будет и пища».

О чем говорит кодекс бушидо – настольная книга самурая, – перестань бояться смерти и ты освободишься для жизни. Скверно умереть и не выполнить своего предназначения, но еще хуже жить и предавать себя.

Если ты не боишься смерти, у слепцов с уснувшими или проданными душами не будет сил заставить тебя подчиниться себе. Они предлагают жизнь в обмен на предательство. Им просто нечего будет предложить…

Много веков человек пытается разрушить одну из самых больших монополий – монополию церкви на общение с Богом. Появление многочисленных конфессий и религий это не что иное, как попытки свести к минимуму воздействие бюрократического церковного аппарата.

Почему человеку обязательно нужен посредник, чтобы пообщаться с Богом? Почему нельзя, если возникает такая потребность, пожертвовать деньги непосредственно на доброе дело, кому-то действительно нуждающемуся?

Один известный человек рассказывал о том, что когда он учился в Москве, то жил, мягко говоря, очень скромно. А тут еще случилось так, что у него украли все деньги.

В отчаянии он шел по улице, когда к нему подошел незнакомый мужчина и вручил 1000 рублей. На тот момент это

были большие деньги. «Я это делаю не для Вас, а для себя, – сказал незнакомец. – Когда я был молод и очень нуждался, мне помогли таким же образом. И вот я вернул свой долг. Когда-нибудь ты сделаешь то же самое».

Когда он уже стал знаменитым, то много раз, по его словам, помогал молодым людям, которые нуждались в этом. Многократно вернул эту тысячу рублей, и никогда не получал большего удовольствия, чем когда удавалось помочь кому-то, кто действительно в этом нуждался.

Почему церковь, аккумулируя огромные средства, не поможет детям в трудных семьях? Не поможет реально, в видимых объемах?

Я видел, как многие дети с огромным креативом превращали свой талант в талант криминальный, потому что только криминал заинтересовался ими. Почему церковь не учредит стипендии для талантливых неимущих студентов? Например, студентов-медиков? Я знал одного студента меди́на, у него была только мама. Он учился очень хорошо, но преподаватели все равно вымогали взятки за экзамены, и он работал еще по ночам, чтобы оплачивать эти взятки, без которых нельзя сдать экзаменов. У него остались только кожа и кости. Где вы, иерархи церкви? Понятно, что у этих профессоров нет совести, но где вы? Сколько зла может принести в мир обиженный ребенок? А обиженный врач?

Я полагаю, нет более богоугодного дела, чем помочь детям, и нет более благодатной почвы, чтобы посеять зерна добра. Или зла.

Мысли о старых фотографиях

Что ты чувствуешь, рассматривая старые фотографии? Свои, например, двадцатилетней давности, что ты чувствуешь? Или когда смотришь на юношескую фотографию человека, которому уже семьдесят? Иногда мне кажется, что нет никакой связи между теми и этими людьми. Что это совсем другие люди. У вашего десятилетнего сына больше общего с вами десятилетним, чем у вас самих. Разве не так? Значит ли это, что нет никакой пространственно-эмоционально-временной связи между мной вчерашним, сегодняшним и завтрашним, или эта связь очень слаба?

Или в каждый отдельный промежуток времени живут отдельные люди, отдаляясь от себя самих?

А как часто мы предаем себя?

Что же тогда обеспечивает преемственность? Программа, заложенная в нас свыше? Миссия, которую несет каждый? Знакомо ли вам значение китайского «У-вей»? – «созидающее ничего неделание». Высшая мудрость – не повредить тонкую ткань бытия своими неуклюжими попытками что-то ускорить. Положиться на то, что будет день, будет пища, и обстоятельства подскажут, что нужно делать. Вот только удача улыбается подготовленному разуму.

Талант и серость

На самом деле рождается огромное количество талантливых людей, которые идут к своей реализации, как мальки лосося после нереста в море. Каждый человек талантлив. Нереализованный талант разъедает нас изнутри, как ржавчина, требуя реализации, и чем больше талант, тем больше мучения, депрессии и неудовлетворенность. Зная, с какими трудностями сталкиваются талантливые люди и какой обширный набор качеств нужен для его реализации в зависимости от среды, природа щедро наделяет каждого талантами. И кто-то пытается реализовать себя, реализуя тем самым волю Господа к совершенствованию человека.

Иные все свои силы тратят на приспособление. Чем меньше талантов, тем проще это сделать, и чем примитивнее организм, тем в нем больше живучести.

Эти примитивные организмы и играют роль естественных врагов талантливых организмов в природе, сохраняя некоторый баланс. Когда удается его нарушить, происходит всплеск науки, искусств и в целом процветания. Вот только нарушить его очень трудно.

Энергия мысли

Мне понравилась одна девушка. Испанка или латиноамериканка. Она сидела в классе за толстой стеклянной дверью и что-то внимательно читала. Я засмотрелся на нее. Она вздрогнула, как от прикосновения и подняла голову, глядя мне прямо в глаза. Я отошел в сторону и через ту же дверь, из-за колонны, так, чтобы меня не было видно, стал ее разглядывать. Она беспокойно заерзала и заозиралась. Но меня нельзя было заметить, только почувствовать. И она почувствовала. Почему мы, как правило, чувствуем, когда на нас смотрят? Откуда выражение «у него тяжелый взгляд»?

Значит ли это, что наш взгляд передает какую-то энергию? Какую? Мы можем почувствовать близкого человека на большом расстоянии. Мы можем пожелать хорошее или плохое, и это сбывается, как правило, с последствиями для пожелавшего. Что за механизмы здесь работают?

Почему доброго человека, как правило, хранит какая-то сила? Мы говорим, что это ангел-хранитель. Почему человека, несущего абсолютное зло, тоже хранит какая-то сила? Часто его телесную оболочку очень трудно уничтожить. Что это такое? Почему говорят – он одержим нечистой силой? (не хочу поминать всуе), по тем же причинам. Почему слово материально? Желания материализуются. Материализация желаний находится в прямой зависимости от силы желания. Бойся своих желаний, ибо придет время и они осуществятся (мудрость североамериканских индейцев). Если очень долго сидеть на берегу реки, рано или поздно по ней проплывет труп твоего врага (Лао-Цзы). Не пожелай осла, вола, жены ближнего своего (Библия). Не согреши мысленно.

Как отдельный человек силой своей мысли может влиять на общую ткань мироздания? Господь создал нас по образу и подобию своему. Может, ответ очевиден? Что говорит Лао-Цзы, которого китайцы называют просто – отец? Чему учит Конфуций? Смысл жизни в том, чтобы развить в себе божественное начало, научиться управлять энергией мысли, которая больше, чем просто энергия мысли – это энергия мироздания. Божественное начало. В то время как человек мог бы создавать все силой воображения, мы пытаемся ковать железо, пока оно горячо.

Что делают на старости лет некоторые люди вместо того, чтобы думать о душе? Как обогатиться за счет других людей путем очередного злодейства? Что делают некоторые лидеры, наделенные огромной созидательной властью со своим народом?

Или они, как наркоманы, видят очередную дозу власти и уже ни о чем другом думать не могут? Для чего они живут? Они не боятся той энергии, которая может выплеснуться на них? Или их охраняет другая сила? Не страшно?

Что такое добродетель? Должны ли мы ходить в церковь, бить поклоны, совершать какие-то действия для общественного признания нашей добродетели?

Божественное начало недоступно человеку, лишенному добродетели. Можно ли при этом совершать маленькие грешки? По-моему, даже необходимо, иначе как же тогда развиваться.

Законы большой спирали

В маленьком городке под названием Уклулет, на самой окраине Vancouver Island, глядя на великолепную девственную природу, в голову приходят разные философские мысли.

Много лет назад здесь жили индейцы. Тридцать одна тысяча, если верить официальной статистике. Огромное количество, как для индейской популяции. Они жили по своим, не самым худшим законам, имели свои ценности и понятия о том, что хорошо и что плохо и что можно, а что нельзя. Ловили лосося, заготавливали его на зиму, охотились, собирали ягоды.

Но тут пришли белые. Их было много. Гораздо больше, чем индейцев. Им все время не хватало бобровых шкур, лосося, земли. Они частично истребили индейцев, а частично индейцы сами умерли, так как культура, которую те принесли, была им абсолютно чужда, не говоря уже о болезнях.

И белые воцарились на этой земле. Прошло много поколений, красота этой природы сделала свое дело. Появилась новая нация, которая научилась ценить всю эту красоту. Они создали свои законы и ценности, наверное, одни из самых гуманных в мире.

Но тут пришли азиаты. Их было много…

…

Я хотел бы выразить благодарность Левчук Ксении Лазаревне – моей бабушке, которая в большой степени и является настоящим автором.

…

Яне Дубровской, без которой этот труд не был бы закончен. И всем людям, вольно или невольно помогавшим мне в создании книги.

Примечания

1

Черное море, скумбрия – *нем.*

2

Мать, сколько здесь еще будет такая грязюка? – *польск.*

3

Бог хочет вашу жизнь украсить, вашу дорогу розами усыпает. – *нем.*